

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

*Пикантные
подробности*

Марина С. Серова
Последний загул
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166899

Пикантные подробности. Последний загул: Эксмо-Пресс, Эксмо-

Маркет; М.; 2000

ISBN 5-04-004477-1

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	31
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марина Серова

Последний загул

Пролог

– Люба! – донеслось со двора.

Любовь Андреевна, приподняв уголок занавески, осторожно выглянула в окно. У забора переминалась с ноги на ногу соседка в старенькой телогрейке и неприязненно смотрела на Матвея – кудлатого кобелька, заходящегося в визгливом лае.

– Лю-уб!

Матвей от избытка усердия приседал на задние лапы и оглушительно тявкал.

– Вот черт, злющий какой! – услышала Любовь Андреевна слова соседки и, уже не скрываясь, крикнула в открытую форточку:

– Рая, сейчас выйду! Не яри собаку! Неугомонная! – укорила она соседку, надевая на босые ноги старые, лопнувшие по бокам калоши. – Ни свет ни заря – Люба, Люба! Неймет-ся ей!

Откинув толстый крючок с входной двери, Любовь Андреевна открыла ее, распахнула настежь и подперла по обычаю дощечкой, чтобы прохлада раннего октябрьского утра

наполнила дом, – так быстрее сменится в нем воздух, застоявшийся за вечер и ночь. Слава богу, тепло беречь пока не приходилось. Да и печку сегодня, хочешь не хочешь, топить надо. Стирку вчера завела – белье замочила.

Матвей, услышав хозяйку, твякнул еще пару раз для порядка и прибежал здороваться. Приученный не лезть на крыльцо без приглашения, пес топтался внизу, пыхтя, поскуливая и вертя коротким хвостом. Потрепав его по загривку, Любовь Андреевна зашлепала калошами через двор, к забору.

Солнце едва взошло. Не скоро оно еще покажется над крышей соседского сарая, не скоро разогреет воздух настолько, чтобы не шел изо рта пар. Спать бы да спать!

«Болезнь себе выдумать какую, что ли? – подумала Любовь Андреевна, поворачивая за угол дома. – Нет, нельзя, сглажу еще!»

– Ну скорей, Люб, чего копаешься!

Раиса махнула рукой и налегла грудью на невысокий заборчик. Матвей из-под ног хозяйки ринулся вперед, злобствуя вдвое против прежнего.

– Да замолчишь ты, собачье отродье! – прикрикнула на него Любовь Андреевна. – Дай поговорить с человеком!

Матвей, показывая испуг, метнулся в сторону и подался назад, недовольно урча на ходу.

– И чего он меня не любит? – недоумевала соседка.

«А кто тебя любит? – подумала Любовь Андреевна. – Во

всей округе первая язва».

Раиса недели полторы назад заняла у нее двадцатку до воскресенья, обещала отдать, но до сих пор не раскачалась, и Любовь Андреевна была на нее в претензии, но напоминать о долге ей пока не позволяла деликатность.

– Люб, я чего тебя крикнула-то, – Рая понизила голос до полупшепота, – мой вчера возвращался поздно, и знаешь, в господском доме дым коромыслом стоял. Не иначе праздновали хозяева целым шалманом.

– Да ну! – удивилась Любовь Андреевна. – Может, спьяну твоему праздники мерещатся? Давно там такого не бывало.

– Давно, – согласилась Раиса, – но Васька вчера в норме приехал, не перебравши, так что ошибиться не мог. В городе на калыме со строителями был, поэтому и припозднился. А возле Роговых остановился, поглядел со стороны. Так они, знаешь, даже мясо во дворе жарили, вот.

– Чтоб им провалиться!

Любовь Андреевна сплюнула с досады – хотела сегодня на базар съездить с носками и варежками, давно пора, навязала уже целую сумку, а тут эта забота... А после полудня, какой же это базар! Да и смотря как гуляли. Дом здоровенный господин Рогов отгрохал, двухэтажный, пока приберешь его сверху донизу, после гостей-то, пройдет время.

– Спасибо, Рая, что сказала. Сейчас пойду! Деваться некуда!

– Люб, Люба, погоди! – заторопилась Раиса, заведев, что

соседка двинулась было восвояси. — Ты там, если осталось чего после них и если самой не надо будет, про меня не забудь, ладно?

— Ладно, — пообещала Любовь Андреевна и решилась-таки напомнить: — Долг-то когда отдавать думаешь?

— Ой, Любань, отдам, не сомневайся, — зачастила обещаниями Раиса. — Васька вот-вот получить должен, так я тебе — в первую очередь. Ты извини уж!

— Ладно! — безнадежно махнула рукой Любовь Андреевна и заторопилась к дому.

В деревне она слыла денежным человеком. Так оно было на самом деле или нет, вопрос спорный, но задержки пенсии не повергали ее в панику, как других, хотя тоже заставляли экономить на всем, вплоть до куска хлеба. В немалой степени способствовала такому относительному благополучию работа на даче Роговых, где она занималась в основном уборкой и мытьем полов, проклиная или благословляя новоявленных господ, в зависимости от своего самочувствия и времени, остававшегося до очередного получения от них денег. Ну и базар, конечно, выручал тоже.

Сегодня же огорчила ее Раиса известием о неожиданно привалившей работе.

— Вот тебе и базар! Вот тебе и стирка! — досадовала она.

Надо было поспешить, пока мальчишки да чего греха таить — и мужики тоже — не повыползали из своих домов. Слух о гулянке разойдется по деревне быстро, вполне могут на-

грянуть в опустевший под утро дом для того, чтобы поживиться кто чем из оставшегося съестного и питейного, смотря по вкусу. А там, глядишь, прихватят что-нибудь по мелочи из добра. Тем более если хозяева двери и окна закрыть забыли и смотались все, без остатка.

Повязавшись платком, надев просторную полинялую куртку и прихватив на всякий случай сумку с несколькими прочными мешками, Любовь Андреевна прикрыла за собой калитку и быстрыми шагами направилась в сторону господского дома, как называли деревенские дачу Роговых. Матвей, как всегда, увязался следом.

«Пусть, – решила она, – накормлю его там чем бог пошлет».

Дачу Семен Геннадьевич Рогов поставил на отшибе, за околицей, неподалеку от опушки леса и провел к ней асфальтовую дорогу от автотрассы, а до деревни не удосужился. Вот и приходилось топать до дачи зимой и летом по проселочным ухабам.

Выходя из заросшего древесной чащей овражка – тропинка через него сильно сокращала путь, – Любовь Андреевна издали заметила уродливую иноземную машину, похожую на огромного жука-навозника, стоящую у металлических ворот в сетчатой ограде имения Роговых, и проговорила почти со злостью:

– Ночи мало им было! Не нагулялись, черти, чтоб вас чесало и кусало!

Матвей поддержал хозяйку сердитым урчанием.

Заметили ее из широких окон второго этажа или совпало так, но Любовь Андреевна была уже на подходе, когда из калиточки выпорхнула тощая девица без юбки, в чудной, громадной куртке, нырнула в открывшуюся перед ней дверцу, и машина плавно тронулась с места.

«Хорошо если б последние!» – пожелала Любовь Андреевна, звякнув ключами в кармане.

В доме было тихо, казалось, никого не было. Тяжелая входная дверь, железная, замаскированная крашеной деревянной планкой, была закрыта, из тридевяти встроенных в нее запоров, лишь на одну замковую защелку, как обычно бывало, когда в доме оставался один молодой хозяин, живший на даче почти безвылазно уже около года.

Поэтому, войдя в прихожую и впустив Матвея, Любовь Андреевна, как всегда, крикнула, поглядывая на лестницу, ведущую на второй этаж:

– Вале-ер! Валера!

И Матвей твякнул тоже. И тоже по обычаю.

– То ли нет никого, – объяснила ему и себе безмолвие Любовь Андреевна, – то ли нажрался сегодня хозяин и спит теперь без задних ног. Надо идти.

Матвей привычно улегся – дальше прихожей доступа ему не было – и приготовился ждать ее сколько потребуется.

Она прошлась по нижнему этажу, подивилась царящему здесь беспорядку, заглянула на кухню и поняла, что добыча

сегодня будет обильной, хоть за тележкой беги.

– Ах, свиньи! – обругала она отвеселившихся господ при виде всевозможной снеди, не подлежащей долгому хранению, почти или совсем не тронутой. – Жратвы-то на целую полеводческую бригаду заготовлено, а съедена всего малая часть. Больше понадкусывали да разбросали. Мыслимое ли дело так с добром обращаться!

Очевидно, веселились здесь, пили-ели прямо на полу, на ковре, в самой большой из четырех комнат, которую Валерий называл гостиной.

Прежде чем приступить к отбору лучшего, следовало осмотреть дом, найти хозяина и, если способен он шевелить языком, испросить его позволения.

Да, работы хватало. И горела синем пламенем надежда поспеть на сегодняшней базар, постоять там с носками и варежками собственной вязки.

– Ну что теперь делать! – со смирением вздохнула Любовь Андреевна и пошла на второй этаж.

Присутствие гостей ощущалось и здесь, но такого безобразия, как внизу, не было. Сдвинутые со своих мест стулья, кресло, переставленное к окну и теперь влажное от заносимых ветром в открытую форточку капель дождя, шедшего ночью, а в одной комнате – женское белье, брошенное как попало, и развороченная постель.

– Во, спешили-то, – проворчала она, качая головой, – как на пожар. И одеться некогда было! Эх, господа!

Любовь Андреевна, решив отсюда и начать, потому что меньше здесь грязи и легче навести порядок, прошлепала ка-лошами по полутемному коридорчику и открыла дверь ванной. Там ярко горел свет, и на фоне голубого кафеля из ванны торчали мокро блестящие колени. Она подалась назад и, посмеиваясь, окликнула:

– Валер! Ты что, уснул, что ли?

«Спит! – решила, не дождавшись ответа, и встревожилась. – Не захлебнулся бы. Надо будить».

Доводилось ей, когда еще муж живой был, вытаскивать из бани нализовавшихся до полусмерти мужиков, а тут оробела что-то, впору за народом бежать. И Матвей – все одно к одному, просто удивительно – вдруг зашелся внизу, в прихожей, сначала лаем, а потом тоскливым воем, как по покойнику. Справившись с собою, все-таки вошла, глянула – из-под воды, со снежно-белого лица смотрели на нее неподвижные глаза молодого хозяина. Уже не соображая, что делает, она осторожно дотронулась пальцем до водяной поверхности, по ней побежала рябь, отражаясь от стенок.

– Ой, Валерка! – прошептала Любовь Андреевна, хватаясь за гладкую стену, чтобы удержаться на ослабших от ужаса ногах. – Валерка!

Глава 1

Нужен ли частному детективу, работающему в одиночку, свой офис? Место, где можно хранить вещдоки, где можно уединиться, запереться от всего белого света и пораскинуть мозгами без домашней, порою довольно трудно преодолимой расслабушки? Место, где на двухтумбовом, старинном, монументальном столе будет стоять телефон, номер которого можно напечатать в своей визитной карточке? Место, которое будут грабить и жечь, а может, даже взрывать неугомонные недоброжелатели неугомонных клиентов частного детектива, не выбирая при этом удобного для него времени.

А это возможно, уж коль скоро меня беспокоят даже дома, прорываясь через бронированную дверь со множеством запоров.

Нет, не нужен мне офис на таких условиях. Волка ноги кормят. Вернее, волчицу. И кормят пока, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, неплохо. А мысли об офисе начинают посещать, когда, договариваясь о встрече с очередным заказчиком очередного расследования, на вопрос: «Куда приехать для переговоров?» – приходится отвечать, что, мол, лучше я приеду к вам в условленное время. Может, назначать встречи в скверах и барах городского центра?

Самомнение, конечно, но иногда из удивленной интонации, которая отлично передается телефонами любых моде-

лей, мне слышится невысказанное: «Как это? У Татьяны Ивановой нет места, куда она могла бы пригласить солидного человека для делового свидания?»

Сейчас я находилась под впечатлением одного из таких телефонных звонков, потому что встретиться с Семеном Геннадьевичем Роговым я условилась вот в этом небольшом и уютном парке возле консерватории на лавочке, на которой сейчас сижу и мечтаю о благоустроенном офисе, заставленном выдержанной в темных тонах мебелью викторианской эпохи. И непременно чтобы темные шторы на окнах, не пропускающие дневной свет... И лампа на столе с зеленым абажуром... Ох!

А голос у этого Рогова приятный. Сочный такой, глубокий.

Надо ли говорить, что от первой встречи с клиентом зависит многое? А главное – сразу его поставить на «место», чтобы в дальнейшем не путался под ногами, требуя преждевременных отчетов и пытаясь давать руководящие указания. Сверчок на шестке – вот кем является для меня заказчик.

Приехала я сюда пораньше, чтобы у меня была возможность узнать его на подходе (он описал мне, в чем будет одет), рассмотреть и составить о нем представление.

Итак, Рогов Семен Геннадьевич.

Я нашарила в сумочке замшевый мешочек с гадальными костями. Самый тот случай. Только и гадать. Загадывать и угадывать. Чуть позже наступит время для того, чтобы знать.

Вытряхнув кости на ладонь и сжав кулак, я сосредоточилась на фамилии Рогов и только после этого посмотрела на выпавшие числа.

11+13+28 – «В любом человеке, каким бы самоуверенным он ни казался, всегда есть место робости. Если хотите с успехом избегать нежелательного влияния других, найдите в себе эту область и научитесь не впускать туда посторонних». Вот что значит это сочетание чисел.

Знаю я в себе такую область и знаю также то, что все мои знакомые видят во мне человека далеко не робкого десятка. Хотя временами, признаюсь, случается всякое.

Посмотрим, как насчет робости у господина Рогова.

А вот этот, не он ли?

По аллее в мою сторону не торопясь двигался грузный мужчина лет шестидесяти в темно-синих джинсах, свитере с отвисшим воротом и в просторной серой безрукавке со множеством карманов. Румяный и седовласый.

Если это Рогов, то впечатления робкого он не производит. Не похож он и на человека, обремененного проблемами, решать которые затруднительно, не прибегая к помощи частного детектива. Цветущий облик и жизнерадостный вид. Может, не для себя старается? Гадать не буду. Все, время для гадания кончилось.

Я встала и сделала несколько шагов навстречу пожилому здоровяку. Он тоже заметил меня и, подойдя, спросил с легкой улыбкой:

– Татьяна Александровна?

– Да, Семен Геннадьевич, она самая.

– Будем знакомы.

Обмен любезностями закончился рукопожатием.

– А я представлял вас старше и... солидней, что ли.

– Вы разочарованы?

– Очарован! Татьяна Иванова, которую мне рекомендовали как специалистку, в своей области цепкую, удачливую и даже безжалостную, оказалась красивой молодой женщиной.

– Вас я себе вообще не представляла, но это неважно. Где мы будем разговаривать? Здесь?

Рогов посмотрел на меня с укоризной, причмокнул губами и покачал головой.

– Чисто русский подход. У нас или бесконечная, пустоপরোজন болтовня, или так вот, без слов, сразу к делу.

– Ну, до дела еще далеко. Дело для меня начнется тогда, когда мы с вами придем к соглашению относительно суммы моего гонорара.

Он удивленно приподнял брови, и мне пришлось пояснить:

– А до этого вам придется изложить в общих чертах суть проблемы.

– Мы найдем в здешних окрестностях место, где можно посидеть на солнышке и промочить горло каким-нибудь пивком? Вон там, мне кажется, есть нечто подходящее.

Мы вышли из парка. На углу, на перекрестке двух улиц,

нашли небольшое кафе с несколькими белыми пластмассовыми столиками под красными зонтами. Устроились там, где не было тени.

– Октябрь, Татьяна Александровна, солнце надо ценить, – изрек он торжественно, предлагая мне стул. Я согласилась.

Час назад, выходя из дома, я в полной мере почувствовала октябрь – прохлада пробивалась даже сквозь кожаную куртку.

Кофе здесь не подавали, и я заказала баночку колы, а он взял себе пару банок пива. Устроившись напротив меня, глотнул, отогнал ладонью от носа дым моей сигареты и приобрел вид довольного жизнелюбца или толстого кота, жмущегося от сытости.

– Ну-с, с чего начать?

Рогов вздохнул и, придвинувшись ко мне ближе, оперся о стол локтями.

– Дело касается денег. И денег немалых.

Все. Теперь уже не на кота он похож, а на пса, в любой момент готового показать клыки кому угодно.

– До недавнего времени у меня был племянник. Хороший, знаете ли, парень, царство ему небесное. Валера. Тоже Рогов. Он умер недавно. От передозировки наркотиков. Героин.

Я быстро глянула на него – нет, вид скорбящего родственника он на себя не напускает. И вообще, кажется, к актерству не склонен. Напряг мясистые щеки и трет подбородок – раздумывает, как продолжить.

– Наркоманом Валера не был, это я утверждаю со всей ответственностью. Ваших примерно лет. Двадцать семь, я не ошибся?

Двадцать девять мне, но я подтвердила его предположение, кивнула глубокомысленно.

– Не наркоман, но кто в наше время из молодежи не пробовавал эту дрянь хотя бы раз? Да и некогда было ему дурить. Компаньон частной фирмы «Фавор», слышали, наверное? С золотом люди работают. С солидной долей в ее капиталах. Хваткий, деловой молодой человек. Про такого можно сказать – парень с хорошим будущим. Но где-то с год назад началась у него полоса неудач, пристала к нему невезуха. Бывает.

Он откинулся на спинку стула, достал пачку «Данхилла», взял сигарету, прикурил и только тогда заговорил опять. Но не по теме.

– А вы неразговорчивы, Татьяна. Можно я буду так вас называть, хорошо? Вы не по-женски молчаливы.

– Более того. Я еще и нелюбопытна.

– Уникально! – удивился он.

– Итак, недавно умер ваш племянник, имеющий солидную долю в капиталах частной фирмы «Фавор». Валерий Рогов. Дальше?

Он пожал плечами – дальше так дальше, глотнул пива и продолжил:

– По молодости лет Валера завещания не оставил, но са-

мый близкий ему человек – я. И я хочу заявить права на его долю в «Фаворе». Я хочу изъять ее оттуда и переместить на счет своего предприятия. Валерий и сам этого хотел. Был у нас с ним такой разговор. Вот, собственно, и все.

Семен Геннадьевич развел руками и вновь потянулся к пиву. Мне было любопытно наблюдать, как он дожидается моих вопросов, считая, наверное, что они – лучший способ до конца уяснить себе суть дела. А также прекрасный показатель сообразительности, характеризующий умственные способности собеседника.

Он ждал, и я спросила, но обо всем сразу, и с удовлетворением подметила разочарование, мелькнувшее тенью по его лицу.

– Что же заставило вас, Семен Геннадьевич, обратиться ко мне?

А про себя подумала, что всего два варианта делают для него невозможным наложить лапу на деньги покойного: или крутятся они в капиталах фирмы на условиях, при которых такая операция невозможна в принципе, или все-таки существует пусть не завещание, но специальное распоряжение Валерия Рогова, делающее их недоступными для вот этого, сидящего напротив меня Семена Геннадьевича. Но в любом случае его, пока не прозвучавшее, предложение могло быть для меня выгодным.

– Ну что за вопрос, Татьяна! – удивился он. – Почему я обратился к вам? Чтобы вы помогли мне повернуть это де-

ло, только и всего.

Я решила оставаться по-прежнему немногословной.

– Проблемы?

– Да! Но сначала решите, возьметесь вы за это? Потому что проблемы немалые. Нет, не уголовщина, что вы, как можно! – предварил он мой, готовый сорваться с языка вопрос и взмахнул в воздухе денежной бумажкой:

– Деточка!

Девушка за прилавком изобразила на лице выражение «чего изволите?» и двинулась было в нашу сторону, но Рогов остановил ее просьбой:

– Еще пивка, милая и расстарайся не такого, а из холодильника, пожалуйста.

Пиво он получил, от колы я отказалась и, когда закончилась вся эта суэта, приготовилась его слушать со всем вниманием, потому что только сейчас и начиналось изложение самой сути предстоящего мне дела.

– Законным путем забрать долю из капиталов «Фавора», не обращая внимания на возражения администрации фирмы, мог бы, конечно, только сам Валерий.

Ценная информация. Вот поэтому он и обратился ко мне. Что-то у него есть, чем можно ущучить эту самую администрацию так, что деньги племянника будут преподнесены ею на тарелочке. Но самому заниматься этим...

– Он и собирался это сделать в самом недалеком будущем, – прервал Рогов мои мысли, – но не успел. Погиб он,

Татьяна, перебрал с дозой, не будучи наркоманом. А?

– Вы предполагаете... – начала я, но он перебил.

– Вот именно! – поднял вверх палец и опустил голову, не отводя от меня ставшего колючим взгляда. – Всего лишь предполагаю, – произнес он почти по слогам, – что между желанием племянника забрать капитал со счетов фирмы и его смертью существует некая взаимосвязь. Я понятно выражаюсь?

Наконец-то дело предстало передо мной в общих чертах. Вот теперь я спрошу его, смолкшего в очередной раз.

– Какие взаимоотношения были у вас с Валерием?

– А-а... это имеет отношение...

– Имеет, – перебила я его, – имеет. Все, что я спрашиваю у вас и спрошу, имеет отношение. Так что давайте как перед священником или врачом, чем откровеннее, тем лучше. Для дела. А значит, для вас.

– Ну, какие, – замялся он, – не скажу, что мы так уж близки были, все-таки племянник и дядька – это не отец и сын. Если по-родственному братъ, то ближе меня у него не было никого. И приподняться ему я помог, когда он из армии вернулся. Да там, собственно, и помогать не надо было, так, только на первых порах. Но тем не менее начинал он у меня. С бизнесом я его познакомил, с людьми, показал ходы-выходы и дал заработать первую сотню тысяч. И благословил на отдельное плавание.

Семен Геннадьевич рассмеялся и откупорил новую банку:

– Хорошо пошел племянник, под парусами. Обработал, простите меня, дочку богатенькой предпринимательницы, успешно пробился в женихи и переместил свои капиталы из моей фирмы к ним, в «Фавор», стал компаньоном. Все правильно! Они приняли. «Фавор» – это тарасовское отделение объединения по импорту ювелирных изделий из азиатских стран, если не знаете. Хозяйкой там Горелова Екатерина, – Рогов наткнулся на мой вопросительный взгляд и добавил: – Дмитриевна. А дочку, несостоявшуюся невесту Валерки, звать Вале́й. Она единственная наследница этой самой Дмитриевны, так что за будущее Валерки в то время я был спокоен. Но, как говорится, где черт не может, там женщина поможет.

Припала ему на душу какая-то... – Рогов сжал губы и поиграл желваками, – ...мадемуазель. И я имел неосторожность указать ему на его дурость. И все! Виделись мы с ним после этого нечасто, а говорили по душам еще реже. Знаю только, что были у него крупные неприятности, о которых он упорно не хотел рассказывать. Слышал также, что он от дел отошел, это около года тому назад произошло, бросил все к чертовой матери и поселился на моей даче. Я на ней, можно сказать, вообще не бываю, так что чувствовал он там себя привольно. А когда наносило меня, уезжал в город, в свою квартиру. Вот и все наши отношения в течение последнего года. Я к нему не лез. У парня своя голова на плечах. Сказал ему только, что уж если совсем придавит, пусть обращается,

помогу чем смогу.

Смешно! – Семен Геннадьевич качнул головой и потер лоб. – Обратился он ко мне недавно – тысячу попросил для вечеринки, которую на даче для старых друзей захотел устроить. Вот до чего дошло. Истошил свой счет в банке до последнего. На год ему его хватило. Ровно на год. А как гости разъехались, ввел себе лошадиную дозу героина.

Нашли его утром. Деревенская баба – она у меня за дачей присматривает, убирается, снег зимой чистит – нашла его в ванне, мертвым. Вот такая ситуация.

Ах да! – спохватился Рогов, – самое главное! Где-то с месяц назад Валерий сам ко мне приехал и завел разговор о перемещении своей доли в капитале «Фавора» ко мне, обратно в мою фирму. Разве возразишь против такого! Кроме того, что родня он мне, это выгодно, в конце концов.

Вот, Татьяна Александровна, и все.

Рогов пристукнул доньшком опустевшей банки по столу – как точку поставил.

Да, прав он. Если все так, как ему представляется, то вполне может быть, что его племяннику помогли перебраться с этого света на тот. И если это так на самом деле...

– Вам известно, кто был на вечеринке у Валерия?

– Могу поручиться за двоих.

Здорово! Вопрос я задала без надежды получить ответ.

– Вы запишете? – Он глянул на мою сумку.

– Запомню.

– Я вам адрес и номер телефона продиктую, – настаивал он, и я кивком попросила его не медлить. – Валя Горелова, конечно. Да, та самая, наследница своей мамы по «Фавору». И Ребров Женя, старинный Валеркин друг, одноклассник. Музыкант. Джазист, по-моему.

Семен Геннадьевич назвал мне номер телефона Гореловой и адрес Реброва, и я запомнила их накрепко с первого раза.

– Еще вопросы будут? – поинтересовался он, предложив мне «Данхилл».

– Еще два, – ответила я, закуривая свои. Он не обиделся и изобразил на лице внимание.

– Если можно и если известно, процент, принадлежащий Валерию в капитале «Фавора».

– Ну-у! – то ли удивился, то ли возмутился Рогов, – спросите что-нибудь полегче. – Общая «стоимость» фирмы не постоянна, соответственно, колеблется и процент, причем по довольно сложной зависимости. Тут без анализа знающего экономиста не обойтись, да и то при условии, что он будет иметь доступ ко всей бухгалтерии. Могу сказать только, со слов Валерия месячной давности, что сумма, которую он намеревался перевести из «Фавора» ко мне, на то время составляла что-то около десятка миллионов рублей. За эту сумму имеет смысл побороться. Да зачем вам это?

Я ответила ему, в двух словах объяснила свои условия, на которых согласна взяться за это дело: тысяча долларов

за предварительное расследование, в результате чего я смогу дать аргументированный прогноз по его исходу, то есть заключение – стоит ли игра свеч, а овчинка выделки, и еще семь тысяч в случае его успешного завершения, когда никто и ничто не помешает перетечь капиталу Валерия в карманы его дядюшки. А когда произойдет этот процесс, три процента от названной им суммы должны осесть в моей сумочке.

Семен Геннадьевич некоторое время молча жевал фильтр сигареты, перекидывая ее из угла в угол рта, и наконец подсчитал, перевел все в рубли и поразился:

– Татьяна, но это же пятьсот тысяч державных! Ну и аппетит у вас, однако!

– Всего лишь одна двадцатая того, что получите вы, – урезонила я его, – впрочем, я не навязываюсь. Можете поискать себе более дешевого помощника.

– Нет, – решил он, подумав, – дешевых мне не надо. Как будем оформлять наше соглашение?

– Обычно к концу расследования я знаю о клиенте столько всякого, что платить еще не отказывался никто. Но в вашем случае официальный договор нужен. Хотя бы для юридического оформления взаимных обязательств. А составим и подпишем мы его после окончания предварительного расследования.

Такое предложение пришлось Рогову по душе.

– Идет! – одобрил он мои слова и без оговорок согласился на осмотр мною его дачи и городской квартиры Валерия.

– В любое время. Да хоть живите в них, пока занимаетесь этим. И ключи вам сейчас отдам. Они у меня в машине.

Смешно, но его «Понтиак» и моя «девятка» стояли бок о бок на автостоянке по ту сторону парка. Я не сдержала улыбки, а он увидел в этом доброе предзнаменование.

Отдавая ключи, Рогов назвал мне имя женщины, присматривающей за его дачей, той, которая нашла тело Валерия в ванне наутро после гулянки.

– Любовь Андреевна. Фамилию, к сожалению, не знаю.

Это имя я тоже запомнила накрепко.

– Удачи, Татьяна! – пожелал он, отъезжая, и одарил меня улыбкой из окошка, как из портретной рамы. – Отправляюсь готовить деньги.

Я, чтобы черт не пошутил, трижды сплюнула через левое плечо.

* * *

Итак, Семен Геннадьевич Рогов отправился готовить деньги, из которых двадцать пять тысяч деревянных – стоимость предварительного расследования – были уже моими кровными. А я прямо из машины по сотовому позвонила Эллочке Пряхиной, признанному знатоку городского музыкального бомонда. Трубку долго не брали, и я удивилась – время за полдень, по режиму Эллы самая пора проснуться. Наконец что-то щелкнуло, и я услышала недовольный голос

подруги:

– Ну кого еще черт надрал?..

– Элка! – завопила я, зная по опыту, что промедление чревато отключением и ее, и вслед за этим ее телефона, и тогда, кроме гудков, я больше ничего не услышу – названивай хоть до самого вечера. – Не смей бросать трубку! Это я, Татьяна Иванова. Узнала?

– Подумаешь! – Элла ответила недовольно. – Иванова – это еще не заслуга.

– Но и не недостаток. Давай просыпайся и въезжай в ситуацию. Я звоню тебе не для того, чтобы потрепать насчет твоих последних симпатий.

– Кто?.. – возмутилась она невпопад и наконец въехала. – Боже мой, Танька, это ты, что ль?

– Я, я! – почти кричала я, теряя терпение. – Пряхина, еще немного, и мне придется тебе нахамить, чтобы привести в чувство.

– Не надо хамить. Все уже в порядке. Чего звонишь?

– Консультация нужна. Кто такой Евгений Ребров?

– Скотина! – ответила она возмущенно – мол, кто же этого не знает? – Приезжай, я тебе про него такого напою! И все – чистая правда.

– А ты одна?

– Одна, одна! – ответила она раздраженно. – В том-то и дело!

В прошлый мой к ней визит я обошлась без предваритель-

ного звонка и нарвалась на грубого, круглого, как снеговик, с волосами до плеч и совершенно голого мужика, открывшего мне дверь и с ходу приказавшего проваливать ко всем чертям.

– Еду!

– Танька! – завопила она. – Алло! Пива купи! А классный кофе я тебе гарантирую!

Вот так. Все сегодня пьют пиво. Кроме меня.

Через некоторое время я стояла перед пряхинской дверью, обремененная бутылками, и давила на кнопку звонка. Все здесь было не как у всех, и открывать мне не торопились. И только когда я уже решила пустить в ход каблуки и надевать грохоту на всю лестничную клетку, дверь распахнулась. На пороге стояла Элла собственной персоной, завернутой в китайский шелковый халат, и, положив ладони на осиную талию, хриплым от курева голосом пела мне, как малому и горячо любимому ребенку:

– Та-неч-ка! Ми-ла-я! Добро пожа-ло-вать!

С силой, почти невероятной для такого хрупкого существа, она за руку втащила меня в комнату, отобрала сумку с бутылками и умелась на кухню, за обещанным кофе. А я все-таки разулась, хоть обязательным это здесь не было.

«Пусть ноги отдыхают», – так говаривал один мой знакомый, ходивший по дому босиком круглый год.

– Ребров? – Элла подвинулась по ковру к дивану, чтобы привалиться к нему. – Ребров! – Она прищурилась и заду-

малась на секунду. – Да скотина же, как я тебе и говорила. Но музыкант отменный.

Булькало пиво, чашка с кофе жгла мою ладонь, дымились сигареты в пепельнице на ковре. Наблюдать за Эллочкой было занятно, как за игривым котенком, который вдруг научился курить, болтать и полюбил пиво.

– Постой... Да, Женька. Женькой его зовут, правильно. А на джаз-тусовке он просто – Ребро. Ребро, для всех и каждого. Зачем он тебе? Впутался во что? Или как мужик?.. Сразу предупреждаю, как мужик он – дерьмо. Любка Лыскова его добивалась одно время. Добилась на свою, скажем так, голову, а потом не знала, куда со стыда деваться.

Элла расхохоталась так, что чуть не выплеснулось пиво из ее тяжелого стакана.

– Ты представляешь? Лыска! И – со стыда!..

– Хватит про Лыску, давай про Женьку. Сразу предупреждаю, экземпляры из джаз-тусовки в качестве мужиков меня не интересуют. И не впутывался он ни во что. Пока, по крайней мере. Хочу от Реброва узнать об одном его друге, а о нем самом – от тебя, для того чтобы представить, на какой козе к нему проще всего подъехать.

– Ладно, не объясняй, – сказала Элла и опорожнила стакан. – Ох, от смерти ты меня спасла неминучей! Все это не мое дело. Интересуешься Женькой, расскажу, что знаю. И только-то, да?

Она налила себе еще пива, а кофейник с кофе придвинула

поближе ко мне.

– Ты на тарасовском джазе когда в последний раз была? И не говори, сама знаю, что там тебе делать нечего. Побывай, ничего не потеряешь, кроме нервов и времени. Клуб авиационного... Ну, знаешь, конечно. Вся масса по вечерам собирается, но Ребро может и сейчас там быть. А дома его не найти, нет. Если только очень повезет. Ночует где придется. Все крутого джазмена из себя строит. А может, и впрямь характер такой. Я близко-то с ним незнакома.

Да, Танюх, сразу предупреждаю, при нем всегда нож есть. О том, чтобы в дело он его пускал, – не слышала, но с собой носит постоянно. Это так, в качестве информации, на будущее.

С бабами холоден и груб. Бреется редко. Приятелей у него много, а друзей, пожалуй, нет. Травку покуривает. Слышала, что ширяться стал, но, может, и врут люди, а знаешь, почему так думаю? Примерно с неделю, наверное, пьет он, не просыхая. А кто колется, к выпивке обычно равнодушен. Это точно. Кроме джаз-клуба, играет в какой-то забегаловке, в центре. Зарабатывает.

Да, Таньк, травкой он торгует. И не только ею. По слухам – и потяжелей товар у него бывает. Но я тебе ничего не говорила, имей в виду.

Раньше он не таким гадом был, как сейчас. Одно время даже невеста у него была, да только жениться не поторопился, а она, не будь душой, взяла и сбежала от него к кому-то из

богатеньких, как случай представился. На Женьку это плохо повлияло.

Элла успешно сняла пивом похмельный синдром и потягивала его уже из любви к искусству. Язычок ее вовсе развязался, тема была одной из любимых, слушательница – благодарная, и болтала она не умолкая, знакомя меня с интересными подробностями и откровенными сплетнями, но обходясь без собственных импровизаций на тему жизни Евгения Реброва. Я слушала, поражалась ее осведомленности и составляла для себя портрет этого «крутого джазмена».

Слушала Эллочку и подбирала для себя роль, без которой разговаривать Реброва было бы трудно. А добрых два часа спустя, по дороге домой, прикидывала, что из одежды мне надеть сегодня вечером, чтобы и белой вороной не выглядеть на этой проклятушей алкогольно-джазовой тусовке и не вызывать своим видом непотребных мыслей у тамошней публики.

Глава 2

Новое «дело». Новые люди. И обстоятельства, взаимосвязи, взаимозависимости. Преставившийся от большой дозы героина Валерий Рогов и торгующий наркотиками его бывший одноклассник Евгений Ребров, сам, по слухам, не чуждый этому пороку. И Ребров был на вечеринке, после которой так нехорошо расслабился Валерий. Вот уже пунктик. Зарубка на память. Была на вечеринке и Горелова Валя, несостоявшаяся невеста Валерия, дочь владелицы фирмы «Фавор». Еще одна зарубка.

Семен Геннадьевич, обстоятельства смерти вашего племянника не представляются мне сложными. По обстоятельствам добываются факты. Факты служат доказательствами. Доказательства играют роль пресса, попав под который люди делаются покладистыми. Нам, господин Рогов, очень нужна покладистость Гореловой Екатерины, – как ее? – да, Дмитриевны, хозяйки «Фавора». Бог в помощь! Но только если идея о насильственной смерти вашего племянника не высосана из пальца. А это вполне может быть. По крайней мере фактов, свидетельствующих об обратном, у меня пока нет.

Уж не дурачите ли вы меня, многоуважаемый Семен Геннадьевич?

Я вспомнила его «деточка», обращенное к молоденькой официантке, и «...солнце надо ценить!». И еще – как быстро

его самодовольный лик сытого кота преобразился в морду злобного пса.

Нет, об этом и думать не хотелось. По крайней мере сейчас. Мелькнувшее предположение я не облекла словами даже про себя. Оставила на потом. Знаю, не забыть мне его теперь, всплывет оно в свое, самое подходящее для этого время.

...Тщательная небрежность. Правомерно ли такое сочетание? Так вот, оделась я с тщательной небрежностью. Копна всклокоченных волос, перехваченных по лбу широкой лентой темной, но пестрой косынки, синие, местами крепко потертые джинсы в умеренный «обтяг», джинсовая же курточка, на добрых две четверти короче торчащего из-под нее грубого серого свитера. И никакой косметики.

Остановившись перед зеркалом, я вгляделась в свое отражение. Не мой стиль, нет. Но и эта Татьяна не лишена привлекательности, если уж судить объективно. Сделать из себя стильную гримзу мне не удалось. Ну и ладно.

Перед тем как выйти из дома, я во второй раз за сегодня развязала замшевый мешочек. Теперь уже под имя «Евгений».

3+22+26 – показали мне гадальные кости.

«Очень часто грубостью скрывают слабость, защищая таким образом наиболее уязвимые места своей личности. Если помнить об этом, то тайное станет явным», – вот что это значит.

Говоря подходящим к ситуации жаргоном, «в жилу» мне сейчас такое поучение. Спасибо, родимые!

В клуб авиационного завода я попала через высокие застекленные двери, краска на которых облупилась от времени и непогоды, и очутилась в фойе, отделанном мрамором еще при старом режиме. Я удивилась упорству здешней администрации, устоявшей перед соблазном сдать здание в аренду предпринимателям. И еще одно было достойно удивления – тишина и безлюдье, не сочетавшиеся с моими представлениями о происходящих здесь сборищах вольных музыкантов и их поклонников.

Была я как-то на рок-тусовке, правда, в другом городе. Незабываемые и во многом веселые воспоминания о пережитом тогда музыкальном безобразии сохранились до сих пор. Да, джаз – это не рок.

Настроившись на серьезный лад, я двинулась через фойе к лестнице с никелированными стойками, подпиравшими перила, и только отсюда услышала отдаленные голоса и звучание ударных инструментов. Звуки шли снизу, из подвальных недр здания, и были глухи, будто раздавались за семью стенами.

По лестнице навстречу мне поднималась девица, по одежде – точная моя копия. Только распущенные волосы и темный, деревянный крест на груди отличали ее облик от моего. Освещение здесь было плохое, и лица ее я разобрать не смогла.

– Привет, подруга! – неожиданно поздоровалась она и вскинула руку с папиросой. – Припали чем-нибудь.

Я щелкнула зажигалкой, и она, втянув в себя дым, благодарно кивнула.

– Ребро здесь? – спросила я, решив не упускать удобного момента.

– Да, – ткнула она большим пальцем через плечо, – но не играл еще, так что не лезь, а то нарвешься, – и, рассмеявшись коротко и хрипло, прошла мимо.

«JAZZ!» – было выведено крупными и нарочито кривыми буквами над широко распахнутой дверью, ведущей в подвальный коридор. Вот здесь было уже шумно. Барабанам вторили несколько труб, и мягкий бас выводил, повторяя раз за разом, приятную музыкальную фразу. Крики и хохот, прозвучавшие аккомпанементом к вступлению, смолкли, и осталась только музыка и негромкий гул голосов в коридоре.

Несколько человек, оживленно беседующих перед дверью, посторонились, не обратив на меня внимания, и я вступила в местную кумирню поклонников джаза.

По коридору пришлось идти, лавируя между людьми, подпирающими стены, прохаживающимися, дымящими сигаретами и пьющими разное из разных – стеклянных, жестяных и пластиковых – емкостей. Пестрая публика – как на стадионе во время соревнований. Поджарая молодежь и седовласые, с пивными животами люди. Джинсы и кожа, пиджаки с галстуками на белых рубашках и простецкие свитера – огра-

ничений в одежде здесь не существовало. И в манерах тоже, как выяснилось сразу же. Стоило мне на секунду остановиться, чтобы пропустить двоих с гитарами наперевес, как меня тотчас же обняли за плечи, поцеловали в щеку и отпихнули. Произошло все настолько неожиданно и быстро, что я не успела заметить этого шутника.

Концертный зал, куда я в конце концов попала, оказался низким, обшитым досками, но обширным помещением с дрянной акустикой. Вместо рядов кресел здесь стояло несколько десятков стульев, но народ мог и ходить, стоять вдоль стен или сидеть прямо на грязном полу, кому как нравилось.

Сцены как таковой тоже не было. Просто часть зала, немного лучше освещенная, была отгорожена от остального пространства толстым канатом, протянутым от стены к стене. Несколько исполнителей, играя, садились, вставали, неторопливо прохаживались и общались друг с другом, не прерывая своего занятия. И как же здорово у них это получалось! Публика, которой здесь хватало, вела себя непринужденно, но так, что не было слышно ни одного громкого возгласа. Большинство наслаждалось негромко звучащей музыкой, но были и равнодушно глазающие по сторонам.

Удивительно, занимаясь делом, я попала на неплохой концерт. Это в порядке исключения. Обычно мне приходится бывать в местах куда менее приятных.

Люди на сцене закончили музыкальную композицию,

приняли аплодисменты и благодарный свист как должное. Зрители переговаривались с ними как со старыми знакомыми. Я пробилась поближе и заняла место, откуда были хорошо видны и ряды стульев, и зрители возле каната, и сами артисты.

– Девушка, сядьте, пожалуйста! – дернув меня за свитер, вежливо пробасили сзади.

Я оглянулась – снизу бездонными глазами смотрел на меня небритый лик сидевшего на полу человека.

– Или подвинься, что ли! – предложил он мне совсем другим тоном.

И в это время музыканты, отложив инструменты, полезли через канат в публику, а ударник, жажнув по тарелке и приглушив ее рукой, возопил на весь зал:

– На сцене команда Евгения Реброва!

И под вопли зрителей выдал долгую и торжественную дробь.

Этот, с небритым ликом и волосами, собранными на затылке в конский хвост, крикнув, поднялся и, бормоча что-то, полез на сцену. За ним из зала последовали еще двое, столь же колоритного вида.

Приняты они были великолепно и играли хорошо, но в отличие от своих предшественников слишком заученно, бездушно как-то. А когда после исполнения нескольких коротких вещей и одной длинной, положили инструменты и ушли со сцены, я двинулась следом за небритым, направившимся

к выходу из зала.

Держась почти вплотную к нему, я прошла по коридору и у самой двери с надписью «JAZZ!» свернула вслед за ним и, рискуя оказаться в мужском туалете, вошла в помещение, куда посторонние, похоже, доступа не имели. Только здесь он соизволил меня заметить.

– Тебе чего, крошка? – осведомился он, удивленно подняв брови.

«Нашел крошку! Если я крошка, то ты – самый настоящий коротышка», – подумала я, плотно прикрывая за собою дверь.

И впрямь он был немногим выше меня. Да и вообще – тощий был.

– Зря ты это, ми-илая! – протянул он увещательно. – И не рассчитывай. Я сегодня не в настроении. Проваливай!

Взмахнув рукой, он отвернулся, сочтя разговор оконченным, и потерял ко мне интерес. Ошибаешься, джазмен, все еще только начинается. И независимо от твоего настроения.

– Ты – Евгений Ребров? – спросила я.

Очень удачное оказалось начало, потому что лучшего способа заинтересовать и завладеть его вниманием, казалось, не существовало.

– А ты сомневаешься? – возмутился он – удивлению его не было границ.

– Ты ответил, и я тебе верю.

Тоже мне, знаменитость местного масштаба!

– Я впервые здесь, так что извини, Евгений, мою неосведомленность.

– Хорошо, хорошо, извиняю, – он опять взмахнул рукой. – Проваливай!

– Это нетрудно. Хорошо, я уйду. Но завтра вместо меня тебя навесят менты, и от них ты вот так не отмахнешься. Я пришла тебя предупредить. Или даже помочь, если сторгуемся.

– Чего? – скривился он недоверчиво. – Менты? С какой стати? Что-то ты мне здесь гонишь совсем не то...

Хорошо, джазмен, отлично. Твоя растерянность меня радует. Еще бы увериться, что стреляю я не холостыми патронами и не в белый свет как в копеечку.

Он, забыв закрыть рот и не сводя с меня прищуренных глаз, попятился и, наткнувшись на стоявший у стены дражный, не в одном месте прожженный диван, плюхнулся на него и только тогда вновь обрел дар речи.

– Кто ты такая вообще? Откуда взялась? Чего тебе надо?

Я прошла к грязному столу с почерневшими круглыми следами от стаканов и бутылок и, развернув к дивану стул, села напротив него.

Голоса из коридора и звучащая в отдалении музыка доносились сюда глухо. Гудел и помаргивал одной из двух голубых ламп светильник, прикрученный проволокой к трубе, идущей по стене под потолком. Над головой Евгения с многоцветной афиши щерилась белозубой улыбкой какая-то

джаз-звезда, окруженная световыми бликами.

– Ты что так напугался? – спросила я его тихо, и он усмехнулся, покачал головой. Судя по всему, попытался взять себя в руки, потому что глаза его опять стали насмешливо-колючими.

– Ты меня на испуг берешь!

Он повернул голову набок и смотрел теперь высокомерно и недоверчиво. Еще немного, и вернется к нему вся его злая самоуверенность.

– Ты сама из «конторы», вот что. Благотельница!

– Ага! И явилась сюда, чтобы завербовать тебя осведомителем по делишкам здешнего мелкого дерьма!

Я позволила себе холодную усмешку, и она на него хорошо подействовала. Говорили мы теперь на равных. Вернее, говорила я, а он слушал, не делая попыток послать меня куда подальше.

– «Контора» плотно взялась за героин, от которого недавно умер твой дружок, Рогов Валерий. А меня интересует он сам и его смерть. Я с тобой предельно откровенна, Ребро. Менты перебрали всех участников вечеринки, после которой умер Валера, и остановились на тебе как на возможном поставщике героина.

– Ты чушь порешишь, подруга, – пробасил он уже совсем в своей манере, как там, в зале, когда просил меня подвинуться. – Я – и героин? Смешно! Тем более что менты со мной уже разговаривали. И именно про смерть Валерки.

– Смешно или нет, мне наплевать. Я еще раз предлагаю отмазать тебя от ментов, если сойдемся в цене.

– И что же тебе надо? – спросил он и рассмеялся зло и беспомощно, понимая, что этим вопросом, вернее своим интересом к моему предложению, наполовину признается в своей причастности к смерти Валерия.

– Выяснить обстоятельства смерти Валерия Рогова.

– Зачем?

Вместо ответа я достала из нагрудного кармана джинсовой курточки и протянула ему удостоверение частного детектива. Он повертел его в руках и вернул мне.

– Теперь ты понимаешь, что к милиции я отношения не имею?

– Грамотные мы, не сомневайся, и детективчики на досуге почитываем про суперменов с такими, как у тебя, корками. Что дальше?

– У меня есть основания предполагать, что к героину, от которого умер Валерий, ты не имеешь отношения.

Это я сказала, блефуя от начала и до конца, потому что ни в чем не была уверена. Но сейчас дело подать нужно было именно так. И это ему понравилось. И в это ему поверилось.

– Но ты можешь подсказать, откуда у Рогова взялся героин.

– А кто сказал, что у него был героин?

– Заключение экспертизы. Валерий умер от передозировки.

– Ерунда! Бред! – очень натурально возмутился Ребров. – Валерка его и в глаза не видывал. Ты Татьяна, да? – Он кивнул на карман, в который я вернула удостоверение. – Он, Татьяна, травку-то всего раза два пробовал, не больше. А ты говоришь – героин! Валерик был паинькой!

Ребров откровенно и полновесно сплюнул в сторону, и мне показалось странным его такое явное пренебрежение к умершему другу.

– Но умер он от передозировки...

– Знаю. Слышал! – поправился он поспешно. – Не талдычь одно и то же.

– А ты говоришь, что героина у него не было.

Я уже чисто по-женски начинала издеваться над ним, улыбаясь про себя его раздражительности.

– Хочешь, чтоб был? – еще немного, и он вспыхнет. – Пусть будет. Но только потому, что тебе так хочется.

Вывернулся, надо же! Так тебе, Татьяна, и надо за твою самонадеянность.

– Знаешь, почему я тебе издеваться над собой позволяю? – без перехода сменил тему Ребров. – Не хочу иметь дело с ментами. Ты плохо, но слушаешь. А они, суки, пришьют дело – и с концами.

Я сделала вид, что пропустила мимо ушей это его замечание, но решила подыграть, усилить его позиции и повисить к себе доверие.

– Валерий напился на вечеринке? – спросила я по наитию

и не ошиблась.

– В конце – как свинья.

– Да, – сделала я вид, что он подтвердил мне уже известное. – А ведь, насколько я знаю, в таком состоянии не колются.

– Насколько я знаю, – он усмехнулся с издевкой, – наркоманы вообще не напиваются. Это ломает им настоящий кайф. Валерка наркоманом не был. – Он помолчал и неожиданно выдал прямо противоположное только что сказанному: – Так что вполне мог и ширнуться.

Женька помолчал, наблюдая за моей реакцией на его слова. Я сохраняла невозмутимость.

– А спьяну да по неопытности дозу выбрал – сколько рука взяла. И вот – пожалуйста! Чего молчишь? – заорал он так, что приоткрылась дверь и в нее полезли какие-то встревоженные его криком рожи. – Пошли на х... – рявкнул он в ту сторону, и их смело как взрывной волной.

– В Одессе говорят: «У меня есть мысль, и я ее думаю». Есть мысль, что Валерий покончил с собой.

От такого поворота Ребров опешил, схватился пятерней за небритый подбородок, но быстро нашелся.

– Ха! – выстрелил он. – Чего это вдруг? Денег у него было – море! Возможность заработать еще больше – тоже была. Родня богатая. Работать не хочешь – женись на Вальке и плюй себе в потолок. Нет, с самоубийством – это полная ерунда, на мой взгляд!

Он откинулся на спинку дивана, закинул ногу на ногу и скрестил на груди руки, всем видом показывая окончательность своего мнения. Настаивать не стоило, чтобы не переборщить, и я сменила тему на более спокойную, но не менее для меня важную.

– Мне известно, что на вечеринку Валерий пригласил своих старых друзей и ты, Евгений, из их числа. Скажи мне, кто там еще был? Или будешь утверждать, что не знаешь старых друзей своего старого друга?

– Допрос, мать твою! – Он матюгнулся с неожиданным добродушием. – Дружьями мы были давно. Так давно, что и не помню уж – были ли. А с тех пор – приятели, и то плохие. Не с чего нам с ним хорошими приятелями быть. А лучше всего звучит – знакомые. Старые знакомые. Так – хорошо. А из бывших на вечеринке я двух-трех знаю по именам, и на этом все. Хочешь верь, хочешь – нет...

– Сколько там народу было?

Он посмотрел на меня как на глупую.

– Я их что, пересчитывал? Ну, с десяток человек перед глазами мелькало.

– Назови имена хотя бы тех, которых знаешь.

Он от возмущения даже по коленям себя хлопнул.

– Ну ты даешь, подруга! – и рассмеялся весело, а потом замолчал. – Нет, Иванова, имена ты узнаешь от кого-нибудь другого.

– От кого от другого? – сделала я вид, что размышляю

вслух. – От Гореловой Валентины?

– Ну хотя бы от нее. Годится.

Следующая моя просьба прозвучала как крик грешной души:

– Помоги мне, Ребров!

– С какой стати? – Он удивился и обрадовался одновременно. – Я тебе уже много выложил, на многие вопросы ответил. Я честно отработал свое. Теперь ты давай, заступайся за меня перед «конторой». Или у тебя еще товар есть?

– Есть, – ответила я. – Есть, а как же! Похоже, настало время полностью изложить ментовскую точку зрения, чтобы сбить с тебя твою дурную спесь. Чтобы не думал ты, что следователь даст тебе возможность выкручиваться, когда посадит перед собой по другую сторону стола. На тебе подозрение – ты дал Валерию наркотик, и, коль скоро он не был сведущ в дозировке, ты посоветовал ему размер дозы, заведомо зная, что она смертельна. Таким образом, ты являешься косвенным убийцей Валерия Рогова. И теперь встает вопрос о мотивах. Мог ли ты так поступить? Нет? А с какой стати вы друзьями быть перестали?

Я смотрела на него, сжавшегося в комок, как от холода, и думала, хватит ли у него ума для того, чтобы оценить нелепость происходящего. В самом деле, разве гулял бы он на свободе до сих пор, имея люди в угро такую версию? Но у меня-то она возникла, и этого было достаточно для его нервов.

– Ты думаешь – я тебе верю? – спросил он осторожно, и я поняла, что ум у него есть.

– Сомневаться – твое право. Думай.

– Ладно, подумаю.

– Только не тяни время. Надумаешь и расскажешь, как все произошло на самом деле, – облегчишь мне жизнь. Нет – придется потрудиться и найти другой источник информации, а тебя оставить твоей судьбе.

– Какого рожна ты от меня добиваешься?

Ну, это он уже прикидывается! Я терпеливо повторила в двадцатый раз:

– Все, что ты знаешь о смерти Рогова и о вечеринке, все, до мельчайших подробностей.

И тут нам помешали самым беспардонным образом. Дверь опять открылась, но уже не так осторожно, как в прошлый раз, и в нее хозяйкой сего места вошла девица, попросившая на лестнице у меня прикурить. Ребров глянул хмуро, но не запротестовал против ее вторжения, а отвернулся и повторил:

– О'кей, я подумаю.

– Здесь за дверью Миксер дожидается, – сообщила девица с порога. – Он тебе нужен?

– Пусть дожидается, – ответил Ребров. – Отстань! – прикрикнул, увидев, что она вновь открывает рот.

Девица прошла и села рядом с ним, рассматривая меня во все глаза. Демонстративно, словно желая показать, кто она

здесь такая и чего стоит, запустила руку в карман его куртки и выудила оттуда небольшой серебряный портсигар.

– А если надумаю, где мне тебя искать?

Я протянула ему свою визитную карточку.

– Позвонишь.

Он принял ее с интересом.

Девушка достала из портсигара папиросу с необыкновенно длинной табачной частью и вернула его в карман хозяина.

– Раскурим? – Она повертела папиросу передо мной. – На троих, а?

Ребров усмехнулся и полез за спичками.

Все. Разговор можно считать законченным. Тема у нас не из тех, что обсуждают при посторонних. Можно вставать и уходить. Я так и поступила.

Как, однако, много зависит от настроения! Музыка, которую я слушала не без удовольствия менее часа тому назад, теперь казалась мне бессмысленным набором звуков, люди утомляли бесцеремонностью, сам подвал давил на психику убожеством и грязью. А духота вообще действовала на нервы.

Все, отгусовалась я здесь, пора на воздух.

Заразившись простотой манер от окружающих, я двинулась к выходу, расталкивая попадавшихся на пути и не обращая внимания на их недовольство, а попав на лестницу, по которой гулял сквознячок, с удовольствием перевела дух, как после нелегкого забега, и потопала наверх, к мраморному фойе, уже не торопясь. Выходя на улицу, произнесла про

себя: «Ребро» и выкинула его из головы – по крайней мере на ближайшие полчаса, рассчитывая отдохнуть от впечатлений.

Но, видимо, поспешила я отбросить свои заботы. Не успела я сделать и десятка шагов в направлении машины, как почувствовала на своем плече руку.

Ну что еще, бог мой!

– Таня!

Я обернулась – Эллочка Пряхина выставила напоказ сразу все свои жемчужные зубы, радуясь нашей новой встрече, а меня возвращая к моим, так сказать, служебным обязанностям.

– Рано ты, Танюш, уходишь! Серьезная публика еще только собирается. Все самое интересное впереди. Пойдем назад!

Она, щебеча птичкой, тянула меня за рукав, и пришлось упереться, чтобы не дать себя увлечь туда, откуда я только что выбралась с такой поспешностью.

– Элка, у тебя душа есть? – спросила я жалобно, глядя на нее.

– Ну, как у всех, – опешила она, но быстро поняла свою оплошность. – Да будет тебе, пошли!

– Все, Эллочка, я оттуда уже вышла. А вот тебя как знатока суперзвезд и их суперсвязей хочу спросить, что за девчушка возле Реброва трется? Волосы копной, на груди крест...

– В джинсе и свитере? – перебила она. – Ты не приревно-

вала ли? – и, рассмеявшись, сама отмахнулась от своего вопроса. – Шучу, не обращай внимания.

Мартышка! Фамилии не знаю. Женька, слышала, Надюхой ее называет. Сошлись они недавно, а до этого он долго один был, не заводил себе постоянную. Да и эта, мартышка, Надюха которая, думаю, ненадолго с ним. Пошлет он ее, как и прочих. Я же тебе про него говорила – скотина!

Эллочка вдруг посерьезнела и, замолчав, задумалась о своем, а я, взяв ее под руку, повела в сторону от входа в клуб, к небольшому скверу.

– Ребро не всегда таким был. Год, как он изменился к худшему. Ровно год. После того, как невесту потерял. О-о, Танюх, это история для любовного романа!

Я усадила ее на лавочку, стоящую у изгороди, и села сама.

– Что-то не похож он на романтика.

– Какая романтика! – не поняла она. – Он, говорят, и ширяться-то стал после того, как один остался.

Прошлогодняя невеста Реброва меня интересовала мало. Имя Женькиной мартышки Эллочка мне назвала, и теперь вполне можно было разворачивать оглобли. Я так бы и поступила, если б не расчувствовалась внезапно подружка. Надо поболтать с ней, чтобы не обидеть торопливостью.

– Невесту он тоже послал? – спросила я, чтобы завести ее еще на один оборот, а себя болтовней не утруждать.

– Нет, – качнула она головой, – она с ним расплевалась. К богатенькому ушла. Я вроде тебе об этом уже говорила?

Таньк, а что, Ребро во что-то вляпался, да?

– Не он, а его друг. Ну давай про невесту.

– Все как на духу! – сделала она большие глаза. – Только ты обещаешь, что тоже мне все расскажешь, когда можно будет.

Я пообещала.

– Невесту его, по-моему, Галинкой звали. А того, к кому она от Женьки ушла, я тебе не назову – не знаю. Только плохо у нее получилось с этим рокфеллером. Нет, не бросил он ее, но жили они хуже некуда. А чем же, по-твоему, можно объяснить то, что она на криминальный аборт решилась? Вот так!

Я покивала и поахала с ней, после чего поинтересовалась, что же было дальше. Элла от досады даже в ладоши хлопнула:

– Не знаю я точно, что дальше! После аборта то ли уехала Галка куда-то, то ли похоронили ее, бедную, – вздохнула она.

– Уж не Ребров ли руку приложил? – спросила я, действительно заинтересовавшись. – Мне показалось, что уйти от него женщине непросто.

– Что ты, что ты! – возмутилась Элла. – Он не способен на такие страсти, не дурак.

– Фамилию Галки не припомнишь?

Элла и задумываться не стала, ответила сразу:

– Нет. Не знала я ее никогда. Прозвище назвать могу. Канифолью здесь ее звали. Галка Канифоль.

Ей стало весело от моих округлившихся глаз.

– Канифолью смычки натирают, чтобы струны звучали. Вот такая у нее была роль в его музыке. Понятно?

Понятно мне было, да. И еще что-то, пока трудноуловимое, вертелось в голове, но в сознание не спешило, требовало от меня одиночества и размышлений. Элла завелась основательно и уверенно вела сольную партию. Теперь она мне мешала. Не считая больше необходимым поддерживать ее трескотню, я стала задумчива, отвечала односложно, и она вскоре откровенно заскучала. Поэтому, когда трое парней, проходя мимо нас, поздоровались и позвали ее с собой, она упорхнула, пожелав мне удачи.

Я проверила, на месте ли удостоверение и ключи от машины. В той подвальной сутолоке вполне могли оказаться ловкие на руку ребята. Все оказалось на местах, и я успокоилась на этот счет.

Глава 3

За сегодняшний день выяснить мне удалось немало. Информация переполняла меня, и необходимо было срочно заняться приведением ее в порядок, расставить все на свои места. Когда это будет сделано, сами собой появятся выводы. Я чувствую, это дело мирными беседами не ограничится – уж слишком много нехорошего свалено здесь в одну кучу, которую я пока копнула только с одной, ребровской стороны. И дай бог, чтобы люди, которым я противостою, не превратились в моих врагов.

На лавочку, стоящую напротив, уселись двое – паренек, без умолку бубнящий что-то, и совсем еще девчонка – в юбочке, похожей скорее на широкий пояс вокруг бедер, и длинном, нараспашку, плаще. Их появление отвлекло меня, но ненадолго.

«Детка!» – вспомнился призыв Семена Геннадьевича, обращенный к официантке, и стало досадно – память, как заезженная пластинка, выдает мне одно и то же.

И Семен Геннадьевич, и Ребров в один голос утверждают, что наркоманом Валерий не был. Не сговорились же они. Нет. А значит, вероятность того, что так оно и есть, достаточно высока. Год прожил Валерий затворником на дядькиной даче. Рогов-старший видел его нечасто, время от времени, но как он сказал: «Валерий не наркоман. Это я утверждаю»

со всей ответственностью».

Я вспомнила, как при этих словах посерьезнело его мясистое лицо и на секунду прорвалось наружу напряжение, испытываемое им на всем протяжении нашей беседы. И еще – как его рука непроизвольно тискала и терла квадратный подбородок.

Женька выразился еще точнее: «Валерка травку-то пробовал всего раза два, не больше. Какой может быть героин!»

Но героин был.

Парень с лавочки напротив отвлекся от своей подружки, встал и, шагнув ко мне и продолжая улыбаться, попросил сигарету. Я достала пачку и вместо того, чтобы протянуть ему, закурила сама и только тогда – по его вытянувшемуся лицу – поняла, что не все в порядке.

– Извини, приятель, задумалась.

– Бывает! – сказал он. – Можно две?

– Валяй, – позволила я, подавая ему и зажигалку тоже.

Он вернулся к подружке, а я поднялась и пошла к выходу из сквера. Слишком здесь для менялюдно. Не в кайф, как говорится. Мешают.

На момент смерти Валерия были у него очень непростые отношения с фирмой «Фавор». Вернее, с ее руководством – с Гореловой Екатериной... да, с Екатериной Дмитриевной. И все из-за денег. Из-за больших денег. Что-то около десяти миллионов державных, готовых уплыть из закров фирмы. Совсем уже собрался Валера перевести их на счета дядьки-

ной фирмы, да вот беда – не успел. Умер. От героина. Хотя и не был наркоманом. Красиво!

Героин надо еще знать, где взять, он на дороге не валяется. Для не наркомана это непросто. Но несложно для джазмена, имеющего при себе серебряный портсигар с папиросами, «заряженными» травкой, и, по словам любопытных знатоков, ширяющегося, пусть даже изредка, но никак не менее года. Для инъекционного «кайфа», конечно, не один героин годится, в ходу и более простая и дешевая «дурь» – ханка называется, но где вершки, там и корешки.

– Ого!

Непроизвольно вырвалось это восклицание. Внезапно посетившая меня мысль, догадка была настолько неожиданной, что я даже остановилась, и бредущая сзади бабуля едва успела уклониться в сторону, задела по ноге котомкой и прошипела возмущенно: «Вообще уж!..» – непонятно что имея в виду.

Год! Год тому назад!

Год, как Валерий удалился от дел и зажил затворником на даче Рогова-старшего.

Год как от Реброва ушла невеста, сменила его на «богатенького» и уехала или погибла вскоре от криминального аборта.

«Не с чего нам с ним хорошими приятелями быть», – сказал Женька про Валерия, а Семен Геннадьевич сообщил мне, что «...припала ему на душу какая-то мадемуазель», из-за

которой он Горелову Валью бросил, а она до этого в его невестах ходила.

О господи, одни невесты кругом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.